

**СЁРИНГ (SOERING)
ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА**

Судебное решение от 7 июля 1989 г.

**КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА**

А. Основные факты

Заявитель, господин Йенс Сёринг, гражданин Германии, родился 1 августа 1966 г. Когда ему было 11 лет, он вместе с родителями переехал в Соединенные Штаты Америки. 30 марта 1985 г., когда ему было 18 лет, он совершил убийство родителей своей подружки в их доме в округе Бедфорд, штат Вирджиния, после чего они оба скрылись, но были задержаны в Англии. С апреля 1986 г. он находится под стражей в Соединенном Королевстве.

31 июля 1986 г. Правительство Соединенных Штатов Америки потребовало экстрадиции господина Сёринга в соответствии с условиями Договора о выдаче между этими двумя странами. Трудности с экстрадицией возникли в связи с тем, что Йенсу Сёрингу как главному исполнителю преступления в США грозила смертная казнь, а в Англии эта мера наказания была отменена.

11 марта 1987 г. Правительство Федеративной Республики Германии также потребовало выдачи господина Сёринга, чтобы он мог предстать в ФРГ перед судом за совершенные убийства. В ФРГ смертная казнь также отменена. 20 мая 1987 г. власти Соединенного Королевства поставили в известность Правительство Федеративной Республики Германии о требовании Правительства Соединенных Штатов Америки, чтобы Йенс Сёринг был выдан не Германии, а США. Несколько ранее 8 мая 1987 г., Елизабет Хейсом, дочь убитых и соучастница преступления была выдана американским властям и в октябре-августе того же года осуждена на 90 лет тюремного заключения (по 45 лет за каждую жертву).

1 июня 1987 г. атторней штата Вирджиния по округу Бедфорд, в обязанности которого входило поддерживать обвинения против господина Сёринга, сообщил, что в случае, если господин Сёринг будет признан виновным в совершении убийства при отягчающих обстоятельствах, судье будет сделано представление от имени Соединенного Королевства о том, что Соединенное Королевство желало бы, чтобы смертный приговор не выносился или чтобы такой приговор не был приведен в исполнение. Однако прокурор штата подтвердил свое намерение добиваться смертного приговора по делу господина Сёринга.

16 июня 1987 г. в Магистратском суде в Лондоне состоялось разбирательство по делу об экстрадиции. Господин Сёринг представил свидетельства психиатров о том, что в момент совершения преступления он страдал

психическим расстройством, которое существенно снижало его способность отвечать за собственные действия. Однако суд решил, что имеется достаточно оснований для его экстрадиции, и оставил его под стражей в ожидании распоряжения министра внутренних дел о его передаче властям Соединенных Штатов Америки.

Поданная затем в английские суды жалоба о применении *habeas corpus* была окончательно отклонена 30 июня 1988 г. 3 августа 1988 г. министр внутренних дел подписал распоряжение выдать господина Сёринга властям Соединенных Штатов Америки. Однако в силу ряда отлагательных мер, указанных в досье дела в Страсбурге (разделы I. Б и I. В ниже), он до сих пор не передан Соединенным Штатам.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной Сёрингом в Комиссию 8 июня 1988 г., он утверждал, что нарушена статья 3 Конвенции, поскольку британские власти не отказали США в его выдаче, где он мог быть осужден на смертную казнь и ожидая возможной выдачи, он испытывал “синдром камеры смертников”, что являлось бесчеловечным, а также, нарушена статья 6 п. 3, т. к. в случае выдачи он не получил бы в штате Вирджиния необходимой юридической помощи. Жалоба была объявлена приемлемой 10 ноября 1988 г.

Комиссия довела до сведения Правительства Соединенного Королевства, что в интересах сторон и надлежащего проведения разбирательства желательно впредь до решения дела не выдавать заявителя Соединенным Штатам. В своем докладе, от 19 января 1989 г., Комиссия выразила мнение, что имело место нарушение статьи 13 (семью голосами против четырех), но не было нарушения статьи 3 (шестью голосами против пяти) и статьи 6 (единогласно).

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 3

80. Заявитель утверждал, что решение министра внутренних дел выдать его властям Соединенных Штатов Америки, если бы оно было выполнено, привело бы к нарушению Соединенным Королевством статьи 3 Конвенции, которая предусматривает:

“Никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечным или унижающим достоинство обращению или наказанию”.

A. О применимости статьи 3 в делах о выдаче

81. Предполагаемое нарушение состоит в том, что заявитель подвергся “синдрому камеры смертников”. Его можно охарактеризовать как сочетание обстоятельств, в которых пребывал заявитель, ожидая выдачи штату Вирджиния, где он должен предстать перед судом по обвинению в убийствах при отягчающих обстоятельствах, и смертного приговора.

82. В своем докладе (п. 94) Комиссия подтвердила “свою устоявшуюся практику, в соответствии с которой высылка или выдача лица могут нарушать статью 3 Конвенции лишь в тех случаях, когда есть серьезные причины полагать, что данное лицо в принимающем государстве станет жертвой обращения, противоречащего данной статье”.

Правительство Федеративной Республики Германии поддержало подход Комиссии, указав на аналогичную позицию германских судов.

Заявитель утверждал, что статья 3 не только запрещает государству-ответчику подвергать людей бесчеловечным или унижающим достоинство обращению или наказанию, но и возлагает на него обязательство не ставить лицо в положение, когда оно может стать жертвой таких обращения или наказания со стороны других государств. Заявитель утверждал, по крайней мере в отношении статьи 3, что индивид не может быть выдан за пределы территории, где его права защищены Конвенцией, если нет уверенности, что гарантии, которые там будут предоставлены ему, не аналогичны гарантиям Конвенцией, во всяком случае ее статьи 3.

83. Со своей стороны, Правительство Соединенного Королевства утверждало, что статья 3 не должна толковаться как возлагающая ответственность на государство — участника Конвенции за действия, которые происходят за пределами его юрисдикции. В частности, экстрадиция не влечет за собой ответственности выдающего государства за бесчеловечные или унижающие достоинство обращение или наказание, которым выданное лицо может подвергнуться за пределами этой юрисдикции. Неправоммерно преувеличивая смысла статьи 3 утверждать, что, выдавая преступника, скрывающегося от правосудия, выдающее государство “подвергает” его наказанию или такому обращению, которые повлечет его осуждение. По мнению Правительства, позиция Комиссии вступает в конфликт с правами, вытекающими из международных договоров; она противоречит нормам международной судебной процедуры в том смысле, что вмешательство во внутренние дела иностранных государств, не являющихся участниками Конвенции в разбирательство дел, проводимых его органами. Эта позиция влечет за собой серьезные сложности, требуя изучения и доказательной оценки правовой системы и ситуации в иностранных государствах; эта позиция не находит поддержки в практике национальных судов и международного сообщества; она чревата серьезным риском для Высокой Договаривающейся Стороны, которая вынуждена как бы укрывать лицо, что приводит к тому, что преступники не предстают перед судом, а остаются на свободе и не несут наказания.

В субсидиарном порядке британское Правительство утверждало, что статья 3 в делах об экстрадиции применима лишь тогда, когда характер обращения или наказания в других государствах предрешен, неотвратим и серьезен. Если же в этой связи возможны лишь предположения, и с учетом того, что все государства разделяют законную заинтересованность в привлечении к суду преступников, уклоняющихся от правосудия, то требуется достоверно доказать, что плохое обращение действительно будет иметь место.

84. Суд подходит к данному делу на основе следующих соображений:

85. Как следует из статьи 5 п. 1 (f), разрешающей “законное... задержание лица,... против которого предпринимаются меры по его... выдаче”, Конвенция не защищает права не быть выданным как таковое. Тем не менее, в той степени, в которой решение об экстрадиции влечет отрицательные

последствия для осуществления права, предоставленного Конвенцией, она может, если эти последствия не носят слишком отдаленного характера, повлечь за собой обязанность государства — участника Конвенции обеспечить соответствующую гарантию, предусмотренную Конвенцией (см. *mutatis mutandis* решение по делу Абдулазиза, Кабалеса и Балкандали от 25 мая 1985, Серия А том 94, с. 31—32, п. 59—60). В настоящем деле речь идет о том, может ли статья 3 быть применена, когда неблагоприятные последствия экстрадиции имеют или могут иметь место за пределами юрисдикции выдающего государства, в результате обращения или наказания, которым в том государстве предвергается выдаваемый преступник.

86. Статья 1 Конвенции, которая предусматривает, что “Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому лицу, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в Разделе I настоящей Конвенции”, определяет территориальные пределы действия Конвенции. В частности, обязательство, взятое участником Конвенции, ограничивается “обеспечением” перечисленных прав и свобод лицам, находящимся под их собственной “юрисдикцией”. Конвенция не регулирует действия государств, не являющихся участниками Конвенции. Точно так же она не ставит своей целью, чтобы государства-участники стремились навязать нормы, установленные Конвенцией, другим государствам. Статья 1 не может быть истолкована как содержащая общий принцип, по которому государство-участник не может выдать лицо, если не будет уверено, что условия, ожидающие данное лицо в стране, которой он выдается, находятся в полном соответствии со всеми гарантиями, предусмотренными Конвенцией. Действительно, как правильно подчеркивает британское Правительство, при определении пределов применения Конвенции и статьи 3, нельзя игнорировать благую цель экстрадиции, состоящую в том, чтобы скрывающийся от правосудия преступник не смог уклониться от правосудия.

В данном деле всеми признается, что Соединенное Королевство не властно над практикой и мерами властей штата Вирджиния, которые являются предметом жалоб заявителя. Также справедливо, что в других международно-правовых актах, на которые ссылается Правительство Соединенного Королевства, например, в Конвенции ООН 1951 г. о статусе беженцев (статья 33), в Европейской Конвенции о выдаче 1957 г. (статья 11) и в Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания 1984 г. (статья 3) — проблемы передачи лица под юрисдикцию другого государства, где могут возникнуть нежелательные последствия, регулируются конкретно и со всей определенностью.

Однако эти соображения не могут полностью или частично освободить государства — участников Конвенции от ответственности, согласно статье 3, за предсказуемые последствия экстрадиции за пределами их юрисдикции.

87. При толковании Конвенции необходимо учитывать ее особый характер как договора о коллективной гарантии прав человека и основных свобод (см. решение по делу *Ирландия против Соединенного Королевства* от 18 января 1978 г. Серия А том 25, с. 90, п. 239). Таким образом, предмет и цель Конвенции как правового акта, обеспечивающего защиту прав человека, требуют, чтобы ее нормы толковались и применялись таким образом, чтобы сделать ее гарантии реальными и эффективными (см. *inter alia* решение по делу Артикоот 13 мая 1980 г. Серия А том 37, с. 16, п. 33). Кроме того,

любое толкование прав и свобод, которые гарантируются, должно соответствовать “общему духу Конвенции — правового акта, целью которого является обеспечение и развитие идеалов и ценностей демократического общества” (см., решение по делу Къельсен, Буск Мадсен и Педерсен от 7 декабря 1976 г. Серия А том 23, с. 27, п. 53).

88. Статья 3 не знает исключений, а статья 15 не допускает отступления от нее в период войны или иного чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации. Этот абсолютный запрет пыток или бесчеловечных или унижающих достоинство обращения или наказания показывает, что статья 3 воплощает одну из основополагающих ценностей демократических государств, входящих в Совет Европы. Аналогичные формулировки такого запрета можно также найти в других международно-правовых актах, таких как Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и Американская конвенция о правах человека 1969 г.; это норма, пользующаяся всеобщим международным признанием.

Остается вопрос о том, влечет ли ответственность государства — участника по статье 3 экстрадиция скрывающегося от правосудия лица другому государству, где он станет жертвой или с большой степенью вероятности может стать жертвой пыток или бесчеловечных или унижающих достоинство обращения или наказания. В статье 3 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания говорится, что “ни одно государство-участник не должно... выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток”. Тот факт, что в этой специализированной Конвенции дана детальная формулировка обязательства, вытекающего из общего запрета пыток, означает, что аналогичное по сути обязательство может быть выведено из текста статьи 3 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Вряд ли соответствовало бы основополагающим ценностям Конвенции, а именно, “общему наследию политических традиций и идеалов, уважения свобод и верховенства права”, о которых говорится в Преамбуле, если бы государства — участники, выдавали преступника, скрывающегося от правосудия, другому государству, заведомо зная о последствиях, имея веские основания полагать, что он может быть подвергнут пыткам, каким бы жестоким ни было преступление, в котором он обвиняется. Экстрадиция при таких обстоятельствах, хотя об этом и не говорится в прямой форме в краткой и общей формулировке статьи 3, явно вступала бы в противоречие с духом и очевидным смыслом этой статьи, и, по мнению Суда, это подразумеваемое обязательство распространяется на случаи, когда скрывающийся от правосудия преступник столкнулся бы в государстве, которому он будет выдан, с реальным риском стать жертвой бесчеловечных или унижающих достоинство обращения или наказания, запрещаемых в соответствии с данной статьей.

89. Что именно можно считать “бесчеловечными или унижающими достоинство обращением или наказанием”, зависит от всех обстоятельств дела (см. п. 100 ниже). Для всей Конвенции характерен поиск справедливого баланса между требованиями обеспечить общие интересы общества и защитить основные права человека. По мере того, как упрощается передвижение по всему миру и преступность приобретает все большее международное измерение, в интересах всех государств становится все более необходимым, чтобы подозреваемые в преступлениях лица, скрывающиеся от пра-

восудия за границей, представляли перед судом. И наоборот, создание безопасных убежищ для скрывающихся от правосудия лиц не только опасно для укрывающих их государств, но также подрывало бы основы института выдачи. Эти соображения также должны быть включены в число факторов, которые необходимо принять во внимание при толковании и применении понятия бесчеловечных и унижающих достоинство обращения или наказания в делах об экстрадиции.

90. В принципе органы Конвенции не решают вопросы о существовании или наоборот отсутствии возможных, а не реальных нарушений Конвенции. Однако в тех случаях, когда заявитель утверждает, что решение о его экстрадиции приведет к нарушению статьи 3 в силу предсказуемых последствий в запрашивающей его экстрадиции стране, необходим отход от этого принципа ввиду серьезного и необратимого характера предполагаемого вреда (см. п. 87 выше).

91. Таким образом, решение государства — участника о выдаче может стать нарушением статьи 3, и вследствие этого повлечь ответственность государства в соответствии с Конвенцией, если имелись веские основания полагать, что выданное лицо столкнется с реальным риском подвергнуться пыткам или бесчеловечным или унижающим достоинство обращению или наказанию в стране требующей его экстрадиции. чтобы возложить такую ответственность необходимо оценить условия в этой стране в сопоставлении их с требованиями статьи 3 Конвенции. При этом вопрос об ответственности страны, в которую осуществляется экстрадиция, не возникает ни в соответствии с общим международным правом, ни в соответствии с Конвенцией, ни каким бы-то ни было иным образом. На основе Конвенции речь может идти только об ответственности осуществившего экстрадицию государства — участника Конвенции, действие которого имело прямым следствием то, что лицо стало объектом плохого обращения, запрещаемого Конвенцией.

В. Применение статьи 3 в конкретных обстоятельствах данного дела

92. Процедура рассмотрения в Соединенном Королевстве вопроса об экстрадиции заявителя завершена, министр подписал распоряжение, предписывающее передать его властям Соединенных Штатов Америки (см. п. 24 выше); это решение, хотя пока еще и не исполненное, непосредственно затрагивает заявителя. Следовательно, необходимо установить на основании вышеизложенных принципов, таковы ли предсказуемые последствия возвращения господина Сёринга в Соединенные Штаты, чтобы дать основания для применения статьи 3. Выяснение этого должно быть в первую очередь, сосредоточено на вопросе, существует ли для господина Сёринга реальный риск быть приговоренным в Вирджинии к смертной казни, поскольку источник предполагаемых бесчеловечных и унижающих достоинство обращения или наказания, а именно “синдром камеры смертника”, связан с вынесением смертного приговора. Только утвердительный ответ на этот вопрос приводит Суд к выводу, что в обстоятельствах дела, изложенных заявителем как “синдром камеры смертника”, наличествует обращением или наказанием, несовместимые со статьей 3.

1. *Существует ли для господина Сёринга реальный риск быть приговоренным к смертной казни и испытать на себе “синдром камеры смертника”*

93. Правительство Соединенного Королевства, не соглашаясь с мнением Правительства Федеративной Республики Германии, Комиссии и заявителя, считает, что вынесение смертного приговора не столь вероятно, чтобы дать основание для применения статьи 3. В обоснование своей позиции Правительство приводит четыре аргумента.

Во-первых, заявитель не признал себя виновным в убийстве, что следует из его беседы с германским прокурором, в ходе которой он отрицал какое-либо намерение совершить убийство (см. п. 16 выше).

Во-вторых, в отношении него пока лишь возбуждено дело. В частности, свидетельства психиатров не позволяют сделать однозначные выводы относительно того, страдал ли господин Сёринг психическим заболеванием в такой степени, чтобы это могло служить основанием для признания его невменяемым по законам Вирджинии (ооб этом см. п. 50 выше).

В-третьих, даже если господин Сёринг будет признан виновным в убийстве при отягчающих обстоятельствах, нельзя с уверенностью предположить, что, осуществляя свое дискреционное право, присяжные рекомендуют вынести смертный приговор, судья его вынесет, а Верховный Суд Вирджинии утвердит этот приговор (см. п. 42—47 и 52 выше). Правительство Соединенного Королевства ссылалось на наличие важных смягчающих обстоятельств, таких как возраст заявителя и его психическое состояние в момент совершения преступления, и тот факт, что он ранее не совершал уголовных преступлений; все это должно быть принято во внимание присяжными, а затем судьей при определении наказания (см. п. 44—47 и 51 выше).

В-четвертых, гарантии, полученные от Соединенных Штатов, должны существенно снизить риск либо вынесения смертного приговора, либо приведения его в исполнение (см. п. 20, 37 и 69 выше).

Тем не менее в ходе публичного слушания Генеральный атторней разъяснил, что его Правительство осознает, что если господин Сёринг будет выдан Соединенным Штатам, имеется “некоторый риск”, которым нельзя пренебречь, что будет вынесен смертный приговор.

94. Как указал сам заявитель, он сделал признание американским и английским полицейским, а также в беседе с двумя врачами-психиатрами, что участвовал в убийстве родителей своей подружки супругов Хейсом, хотя в ходе допроса германским прокурором он, судя по всему, частично отказался от этих показаний (см. п. 13, 16 и 21 выше). Европейский суд по правам человека не может брать на себя функцию судов Вирджинии и решать, будет или не будет возможна защита ссылкой на невменяемость на основании имеющихся заключений психиатров. Правительство Соединенного Королевства справедливо полагает, что нельзя с уверенностью предположить, что господин Сёринг будет непременно или хотя бы весьма вероятно признан виновным в совершении убийства при отягчающих обстоятельствах (см. п. 13 *in fine* и 40 выше). Тем не менее, как признал Генеральный атторней от имени Правительства в ходе публичного слушания, имеется “значительный риск” того, что заявитель будет признан виновным в таком преступлении.

95. По праву Вирджинии, до вынесения смертного приговора, обвинение должно доказать несомненно существование по крайней мере одного из двух предусмотренных отягчающих обстоятельств, а именно: опасность рецидива в будущем или особую жестокость (см. п. 43 выше). В связи с этим, учитывая судебную практику относительно оснований для установления “особой жестокости” преступления, можно предположить, что ужасающие и зверские обстоятельства убийств (см. п. 12 выше) будут свидетельствовать против заявителя (см. п. 43 выше). Следует признать, что смягчающие обстоятельства, взятые сами по себе, действительно снижают вероятность вынесения смертного приговора. Можно утверждать, что, как минимум, четыре из пяти обстоятельств, указанных в Кодексе Вирджинии в качестве смягчающих, могли бы быть применены к делу Сёринга. Эти обстоятельства таковы: отсутствие у подсудимого уголовных правонарушений в прошлом; тот факт, что преступление было совершено в момент, когда подсудимый находился в состоянии чрезвычайного психического или эмоционального расстройства; тот факт, что в момент совершения преступления способность подсудимого оценивать преступный характер своего поведения или контролировать свое поведение, обеспечивая его соответствие требованиям закона, была значительно снижена, и возраст подсудимого (см. п. 45 выше).

96. Эти различные факторы, говорящие за или против вынесения смертного приговора, должны рассматриваться в свете позиции, занимаемой органами обвинения.

97. Прокурор штата Вирджиния по округу Бедфорд, господин Апдайк, в обязанности которого входит поддержание обвинения, сделал заявление, подтверждающее, что “в случае, если Йенс Сёринг будет признан виновным в совершении убийства при отягчающих обстоятельствах в соответствии с предъявленными ему обвинениями, на стадии вынесения приговора судье будет сделано представление от имени Соединенного Королевства о том, что Соединенное Королевство желало бы, чтобы смертный приговор не выносился или чтобы такой приговор не приводился в исполнение” (см. п. 22 выше). Суд отмечает, соглашаясь с мнением судьи Высокого суда правосудия Ллойда (см. п. 22 выше), что это обязательство отнюдь не отражает формулировки статьи 4 Договора об экстрадиции между Соединенным Королевством и Соединенными Штатами 1972 г., в котором говорится об “удовлетворительных с точки зрения запрашиваемой стороны гарантиях того, что смертный приговор не будет приведен в исполнение” (см. п. 36 выше). Однако поскольку преступление, в котором обвиняется подсудимый, относится к юрисдикции штатов, а не федеральных органов, и подсудно судам штата Вирджиния, никакие другие органы штата или федеральные органы не могли и не могут дать указание атторнею штата предоставить более широкие гарантии; суды Вирджинии не могут связать себя обещаниями о том, к каким решениям они могут прийти на основе имеющихся доказательств; а губернатор штата Вирджиния принципиально не дает обещаний применить впоследствии свои полномочия и смягчить приговор (см. п. 58—60 и 69 выше).

Поскольку дело обстоит таким образом, обязательство, взятое господином Апдайком, возможно, является наилучшей возможной “гарантией”, которую Соединенное Королевство могло получить от Федерального Правительства Соединенных Штатов при данных обстоятельствах. Согласно заявлению, сделанному в Парламенте в 1987 году заместителем министра внутренних дел, признание сформулированных таким образом обязательств

“означает, что власти Соединенного Королевства выдают скрывающегося от правосудия преступника или готовы сделать это для того, чтобы он предстал перед американским судом, на основе четкой договоренности, что смертный приговор не будет приведен в исполнение... Если бы смертный приговор был приведен в исполнение при таких обстоятельствах, это нанесло бы серьезный удар по существующей между нашими двумя странами практике в области экстрадиции” (см. п. 37 выше). Тем не менее, эффективность такого обязательства пока не поддается проверке.

98. Заявитель утверждал, что, согласно Кодексу Вирджинии, заявления относительно пожеланий иностранного Правительства не признаются имеющими юридическую силу, или, даже если они будут признаны таковыми, не смогут никоим образом повлиять на выносящего приговор судью.

Как бы ни обстояло дело согласно законам Вирджинии и существующей там практике (о которых см. п. 42, 46, 47 и 69 выше), и независимо от дипломатического контекста отношений между Соединенным Королевством и Соединенными Штатами по вопросам экстрадиции, нельзя объективно констатировать, что обязательство информировать судью на стадии вынесения приговора о пожеланиях Соединенного Королевства устраняет риск вынесения подсудимому смертного приговора. Осуществляя на независимой основе свою свободу усмотрения, атторней штата принял решение требовать и настойчиво добиваться смертного приговора, поскольку имеющиеся доказательства, по его убеждению, дают основания для таких действий (см. п. 20 *in fine* выше). Если представитель государственного органа, в обязанности которого входит поддержание обвинения, занимает такую твердую позицию, у Суда нет достаточно веских причин полагать, что отсутствует реальный риск вынесения смертного приговора и соответственно последствий “синдрома камеры смертников”.

99. Поэтому Суд пришел к выводу, что вероятность для заявителя испытать на себе “синдром камеры смертников”, доказана и это дает основания для применения статьи 3.

2. Нарушает ли экстрадиция статью 3 Конвенции, подвергая заявителя “синдрому камер смертников”

(a) Общие соображения

100. По установившейся практике Суда для того, чтобы плохое обращение, и в том числе наказание, представляло собой нарушение статьи 3, оно должно достигнуть минимального уровня жестокости. Оценка этого минимального уровня по своей сути относительна; она зависит от всех обстоятельств дела, таких как характер и контекст такого обращения или наказания, образ действий и методы, в которых выражается такое обращение, его продолжительность, его воздействие на физическое или психическое состояние и, в некоторых случаях, от пола, возраста и состояния здоровья жертвы такого обращения (см. вышеупомянутое решение по делу *Ирландия против Соединенного Королевства*. Серия А, т. 25, с. 65, п. 162; и решение по делу Тайрера от 25 апреля 1978 г. Серия А, т. 26, с. 14—15, п. 29 и 30).

Суд считал обращение “бесчеловечным”, если оно носило преднамеренный характер, применялось каждый раз в течение нескольких часов кряду и “причиняло если не реальные телесные повреждения, то по крайней мере, сильнейшие физические и душевные страдания”. “Унижающим

достоинство” Суд считает обращение “такого рода, чтобы вызвать у жертв чувства страха, подавленности и неполноценности, способные оскорбить и унижить их, и, возможно, сломить их физическое и моральное сопротивление” (см. вышеупомянутое решение по делу *Ирландия против Соединенного Королевства*, с. 66, п. 167). Для того чтобы наказание или обращение были признаны “бесчеловечными” или “унижающими достоинство”, страдания или унижение, связанные с ними, должны так или иначе представлять собой нечто большее, чем неизбежный элемент страданий или унижения, связанный с той или иной формой законного наказания (см. решение по делу Тайрер, loc. cit.). При этом следует учитывать не только физические страдания, но также душевную подавленность от ожидания наказания в тех случаях, когда его исполнение задерживается.

101. При определенных условиях допускается вынесение высшей меры наказания (смертной казни) в соответствии со статьей 2 п. 1 Конвенции, в которой говорится:

“Право каждого человека на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание”.

Заявитель не утверждал поэтому, что вынесение смертного приговора *per se* представляет собой нарушение статьи 3. Как и оба Правительства государств-участников Конвенции, являющихся сторонами данного разбирательства, он разделяет мнение Комиссии, что сама по себе выдача лица стране, в которой существует риск вынесения ему смертного приговора, не позволяет говорить о нарушении ни статьи 2, ни статьи 3. С другой стороны, организация “Международная амнистия” в своих письменных комментариях (см. п. 8 выше) утверждала, что эволюция взглядов в Западной Европе в отношении существования и применения смертной казни состоит в требовании, чтобы смертная казнь отныне считалась бесчеловечным и унижающим достоинство наказанием в смысле статьи 3.

102. Безусловно, “Конвенция не является застывшим правовым актом, она открыта для толкования в свете условий сегодняшнего дня”; оценивая, должно ли то или иное обращение или наказание рассматриваться как бесчеловечное или унижающее с точки зрения целей статьи 3, “Суд не может не испытывать влияния современных тенденций развития и получивших всеобщее признание норм в области политики определения наказаний за уголовные преступления в государствах-членах Совета Европы в этой сфере” (см. вышеупомянутое решение по делу Тайрера. Серия А, т. 26, с. 15—16, п. 31). *De facto* в государствах — участниках Конвенции в мирное время смертная казнь больше не существует. В тех немногих государствах — участниках Конвенции, законодательстве сохраняет смертную казнь за некоторые виды преступлений в мирное время, смертные приговоры, если они и выносятся, не приводятся в исполнение. “В западноевропейских правовых системах сложился консенсус относительно того, что в нынешних условиях смертная казнь больше не соответствует региональным нормам правосудия”. Эта формулировка организации “Международная амнистия” отражена в Протоколе № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, который предусматривает отмену смертной казни в мирное время. Протокол № 6 был открыт для подписания в апреле 1983 г., он вступил в силу в марте 1985 г. и к настоящему времени ратифицирован

тринадцатью государствами — участниками Конвенции, однако Соединенное Королевство не входит в их число.

Означают ли эти перемены, что смертная казнь *per se* подпадает под запреты статьи 3? Это должно решаться на основе принципов, определяющих толкование Конвенции.

103. Конвенция должна восприниматься как единое целое, и, следовательно, статья 3 должна толковаться в единстве с положениями статьи 2 (см. *mutatis mutandis* решение по делу Класс и другие от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, с. 31, п. 68). Таким образом становится очевидно, что составители Конвенции не могли иметь намерения рассматривать статью 3 как включающую запрещение смертной казни вообще, поскольку это сводило бы на нет ясную формулировку статьи 2 п. 1.

Последующую уголовную политику государств-участников практически почти повсеместно отказавшихся от применения смертной казни, можно было бы считать единым мнением о необходимости отменить исключение, содержащееся в п. 1 статьи 2, и в силу этого дать соответствующее новым условиям толкование эволютивное толкование статьи 3. Однако Протокол № 6, как более позднее соглашение, показывает, что в 1983 г. в намерения государств-участников входило действовать обычным методом дополнения Конвенции новым обязательством — в данном случае отмена смертной казни в мирное время, — и, что еще более существенно, сделать это посредством факультативного правового акта, позволяющего каждому государству самому выбрать момент для принятия на себя такого обязательства. В данных условиях, несмотря на особый характер Конвенции (см. п. 87 выше), статья 3 не может толковаться как запрещающая смертную казнь вообще.

104. Однако это не означает, что обстоятельства, связанные со смертным приговором, никогда не порождают проблемы в свете статьи 3. То, каким образом выносятся или приводятся в исполнение смертный приговор, личные обстоятельства конкретного осужденного, несоразмерность наказания тяжести совершенного преступления, а также условия заключения в ожидании приведения приговора в исполнение являются примерами факторов, которые могли бы дать основания рассматривать обращения с осужденным или наказание, которому он подвергается, как нарушение запрети-тельной нормы, содержащейся в статье 3. Существующее в наши дни в государствах — участниках Конвенции отношение к смертной казни имеет важное значение для определения того, превышен ли приемлемый порог страдания и унижения.

(b) Конкретные обстоятельства данного дела

105. Заявитель утверждал, что те условия, в которые он будет поставлен в результате выполнения решения министра о выдаче его Соединенным Штатам, а именно, “синдром камеры смертников”, в совокупности представляют собой плохое обращение такой степени тяжести, что его экстрадиция противоречит статье 3. Он ссылался, в частности, на длительность процедуры рассмотрения жалоб на приговор, во время которой он будет испытывать все возрастающее психологическое напряжение, травмирующее психику; на тот факт, что судья или присяжные при вынесении приговора не обязаны принимать во внимание возраст подсудимого и его психическое состояние в момент совершения преступления; на экстремальные условия его будущего заключения в “камере смертников” в Мекленбургском

исправительном центре, где, как он предполагает, он может стать жертвой насилия и сексуальных домогательств в силу его возраста, расовой и национальной принадлежности; на постоянный призрак самой казни, включая порядок ее исполнения. Он также ссылаясь на возможность его выдачи Федеративной Республике Германии или высылки в эту страну, против чего он не возражал, как на обстоятельство, наглядно выявляющее несоразмерность решения министра.

Правительство Федеративной Республики Германии полагало, что, учитывая все обстоятельства то, что ожидает заявителя в Вирджинии, настолько превысит порог плохого обращения, неизбежно связанного с вынесением и исполнением смертного приговора, что оно может быть расценено как “бесчеловечное” в смысле статьи 3.

С другой стороны, в выводах, к которым пришла Комиссия, говорилось, что степень жестокости, подразумеваемая в статье 3, не будет достигнута.

Правительство Соединенного Королевства согласилось с этим мнением. В частности, оно оспаривает многие из фактологических обвинений заявителя относительно условий заключения в камере смертников в Мекленбурге и той судьбы, которая его там ожидает.

i. *Длительность заключения до исполнения смертного приговора*

106. Время, которое, осужденный к смертной казни заключенный проводит в камере смертников в Вирджинии до приведения приговора в исполнение, составляет в среднем от шести до восьми лет (см. п. 56 выше). Длительность этого периода ожидания смерти, как отмечалось Комиссией и Правительством Соединенного Королевства, в какой-то степени определяется действиями самого заключенного, в том смысле, что он использует все возможности обжалования, предоставленные ему законами Вирджинии. Автоматическая процедура апелляции в Верховном Суде Вирджинии обычно занимает не более шести месяцев (см. п. 52 выше). Остальное время уходит на косвенное оспаривание путем дополнительных жалоб, направляемых самим заключенным на основании *habeas corpus* как в суды штата, так и в федеральные суды, и на обращения в Верховный Суд Соединенных Штатов с просьбой о пересмотре приговора, причем на каждой стадии заключенный может добиваться отсрочки приведения приговора в исполнение (см. п. 53—54 выше). Средства судебной защиты, предоставляемые в соответствии с законами Вирджинии, служат тому, чтобы решение о необходимой мере наказания — смертной казни — не было вынесено с нарушением закона и не было проявлением произвола.

Подобно тому, как неизбежно прохождение некоторого времени между вынесением приговора и приведением его в исполнение для того, чтобы осужденный мог воспользоваться такой гарантией, как право на обжалование, точно так же неотъемлемым свойством человеческой природы является то, что человек цепляется за жизнь, используя эти гарантии до последней возможности. Какими бы благими намерениями и даже потенциальными благоприятными последствиями ни объяснялось предоставление осужденному в Вирджинии целого комплекса процессуальных возможностей обжалования, которые можно использовать после вынесения приговора, следствием этого является то, что осужденный к смертной казни заключенный вынужден терпеть в течение многих лет условия содержания в камере смертников и испытывать чувство подавленности и все возрастающей напряженности, живя в постоянном присутствии близкой смерти.

ii. Условия заключения в камере смертников

107. Что касается условий в Мекленбургском исправительном центре, где будет содержаться заявитель после приговора к смертной казни, Суд основывает свое решение на фактах, которые не оспаривались Правительством Соединенного Королевства, не считая необходимым устанавливать достоверность дополнительных доказательств, представленных заявителем, в особенности в отношении риска гомосексуального насилия и физической расправы, которым подвергаются заключенные в коридоре смертников (см. п. 64 выше).

Строгость режима заключения в Мекленбурге, как и предоставляемые услуги (медицинские, юридические и социальные), и формы контроля (законодательные, судебные и административные) достаточно детально описаны выше (см. п. 61-63 и 65-68). В связи с этим Правительство Соединенного Королевства привлекло внимание к необходимости дополнительных мер для обеспечения безопасности в местах заключения, где содержатся приговоренные к смертной казни за убийство при отягчающих обстоятельствах. В то время как необходимость этих мер, в принципе, достаточно обоснована, проблема строгости особого режима — такого, который действует в коридоре смертников в Мекленбурге, — усугубляется тем, что заключенные испытывают на себе эти условия в течение длительного периода времени, в среднем от шести до восьми лет.

iii. Возраст заявителя и его психическое состояние

108. В момент совершения убийств заявителю было 18 лет, и имеются свидетельства врачей-психиатров, которые не оспаривались как таковые, что он “страдал такой формой психического расстройства... которая существенно снижала его психическую способность нести ответственность за свои действия” (см. п. 11, 12 и 21 выше).

В отличие от статьи 2 Конвенции, статья 6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и статья 4 Американской конвенции о правах человека 1969 г. в прямой форме запрещают вынесение смертного приговора лицам, не достигшим 18 лет на момент совершения преступления. Независимо от того, подразумевается или нет такое запрещение в общей и лаконичной формулировке статьи 2 Европейской Конвенции, тот факт, что оно в прямой форме присутствует в других, принятых позднее международных правовых актах, первый из которых уже ратифицированный значительным числом государств — участников Европейской Конвенции, устанавливает в качестве общего принципа, что молодость индивида является обстоятельством, которое, наряду с другими, может поставить под сомнение соответствие мер, связанных со смертным приговором, статье 3.

Рассмотрение состояния психического расстройства как фактора, имеющего аналогичные последствия для применения статьи 3, соответствует судебной практике Суда (как вкратце изложено выше в п. 100).

109. Законодательство Вирджинии, как подчеркивают Правительство Соединенного Королевства и Комиссия, безусловно, принимает во внимание эти два фактора. Согласно Кодексу Вирджинии, психическое расстройство подсудимого является либо абсолютным правовым препятствием для его осуждения, если оно сочтено достаточным, чтобы признать его невменяемым, либо, как и возраст, в качестве смягчающего обстоятельства на стадии вынесения приговора (см. п. 44—47 и 50—51 выше). В дополнение к этому, неимущие лица, обвиняемые в убийствах при отягчающих обстоя-

тельствах, имеют право на назначение им в помощь квалифицированного эксперта-психиатра для подготовки к участию в процессе (см. п. 51 выше). Эти нормы Кодекса Вирджинии, как заявляли представители американских судов, несомненно, служат тому, чтобы не допустить произвола при вынесении смертного приговора и сузить рамки усмотрения судьи, назначающего наказание (см. п. 48 выше). Однако они не снимают вопроса о значимости факторов возраста и психического состояния в свете статьи 3.

Хотя данный Суд не вправе предрешать вопросы уголовной ответственности и вынесения приговора до рассмотрения дела надлежащим судом, молодость заявителя и его психическое состояние на момент совершения преступления должны тем не менее быть приняты во внимание в качестве дополнительных факторов, позволяющих считать, что помещение его в коридоре смертников даст основания рассматривать ситуацию как нарушение статьи 3.

iv. Возможность выдачи заявителя Федеративной Республике Германии

110. С точки зрения Правительства Соединенного Королевства и большинства членов Комиссии, возможность экстрадиции или высылки заявителя в Федеративную Республику Германии (см. п. 16, 19, 26, 38 и 71—74 выше), где смертная казнь отменена Конституцией (см. п. 72 выше), не играет существенной роли для целей данного дела. Любой другой подход, как заявило Правительство Соединенного Королевства, привел бы к “двойному стандарту”, предоставляя защиту в соответствии с Конвенцией тем подлежащим экстрадиции лицам, которые, по счастливой случайности, имеют возможность альтернативной выдачи другой стране, но отказывая в защите тем, кому повезло меньше.

Этот аргумент имеет некоторый вес. Кроме того, Суд не может не учитывать особо жестокий характер убийств, в которых обвиняется господин Сёринг, а также легитимную и благую роль соглашений об экстрадиции в борьбе с преступностью. Цель, которую преследуют Соединенные Штаты, добиваясь его выдачи в соответствии с Договором об экстрадиции между Соединенным Королевством и Соединенными Штатами, несомненно, является легитимной. Однако выдача господина Сёринга его собственной стране позволила бы осудить его, не оставив безнаказанным, но освободило бы его от сильных страданий, от длительного срока пребывания в камере смертников. Следовательно, это обстоятельство является релевантным для общей оценки ситуации в соответствии со статьей 3, в том смысле, что оно помогает найти необходимый баланс интересов и установить соразмерность оспариваемого решения об экстрадиции (см. п. 89 и 104 выше).

(с) Вывод

111. Для каждого заключенного, осужденного к смертной казни, неизбежны некоторый промежуток времени между вынесением приговора и приведением его в исполнение и соответственно состояние тяжелого стресса в условиях режима строгой изоляции. Не вызывают никаких сомнений демократический характер правовой системы Вирджинии в целом и позитивные черты процедур судебного слушания, вынесения приговора, подачи и рассмотрения жалоб, в частности. Суд разделяет мнение Комиссии, что система отправления правосудия, перед которой предстанет заявитель в Соединенных Штатах, сама по себе не допускает ни произвола, ни необоснован-

ности — напротив, она основана на уважении принципа верховенства права и предоставляет немалые процессуальные гарантии подсудимому, обвиняемому в убийстве при отягчающих обстоятельствах. Имеются возможности оказания заключенным, находящимся в камере смертников, помощи — в частности, психологической и психиатрической (см. п. 65 выше).

Однако по мнению Суда, учитывая значительную длительность времени нахождения в камере смертников в экстремальных условиях, в состоянии постоянной и все возрастающей подавленности в ожидании приведения в исполнение смертного приговора, а также учитывая личные обстоятельства заявителя, в особенности его возраст и психическое состояние в момент совершения преступления, выдача заявителя Соединенным Штатам, означала бы для него реальный риск подвергнуться обращению, превышающему порог, установленный в статье 3. Другим релевантным соображением является то, что в данном конкретном случае правомерной цели экстрадиции преступника можно достигнуть другими средствами, которые не повлекут за собой страданий такой исключительной силы и продолжительности.

В силу вышеизложенного, решение министра выдать заявителя Соединенным Штатам, в случае его выполнения, привело бы к нарушению статьи 3.

Этот вывод никоим образом не ставит под сомнение добросовестность Правительства Соединенного Королевства, которое с самого начала данного дела демонстрировало желание соблюдать свои обязательства в соответствии с Конвенцией, во-первых, отсрочив экстрадицию с помощью отлагательных мер, рекомендованных органами Конвенции, и, во-вторых, передав по собственной инициативе данное дело Суду (см. п. 1, 4, 24 и 77 выше).

II. О предполагаемом нарушении статьи 6

A. Уголовное судопроизводство в Соединенных Штатах

112. Заявитель утверждал, что в Вирджинии при подаче жалоб в федеральные суды (см. п. 57 выше), по возвращении в Соединенные Штаты он не сможет осуществить право на защиту своих интересов через адвоката, что предусмотрено в статье 6 п. 3 (с), где говорится:

“Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, имеет как минимум следующие права:

—
(с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, если у него нет достаточных средств для оплаты услуг защитника, иметь назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;...”

Комиссия выразила мнение, что предполагаемая экстрадиция заявителя не может привести к возникновению ответственности Правительства Соединенного Королевства в соответствии со статьей 6 п. 3 (с). Правительство Соединенного Королевства выразило согласие с этим выводом и, со своей стороны, утверждало, что жалобы заявителя на предполагаемые нарушения плохо обоснованы.

113. Право на справедливое разбирательство уголовного дела, как оно сформулировано в статье 6, занимает важное место в демократическом обществе (см. *inter alia* решение по делу Колоцца от 12 февраля 1985 г.

Серия А, т. 89, с. 16, п. 32). Суд не исключает того, что в особых случаях может возникнуть вопрос о нарушении статьи 6 в результате решения об экстрадиции при таких обстоятельствах, когда скрывающийся от правосудия преступник столкнулся с тем, что грубейшим образом нарушено или существует риск, что будет нарушено — его право на справедливое судебное разбирательство в стране, требующей его выдачи. Однако факты по данному делу не выявляют такого риска. Из вышеизложенного следует, что нет оснований говорить о нарушении статьи 6 п. 3 (с) в этом отношении.

В. Процедура экстрадиции в Англии

114. Заявитель далее утверждал, что отказ Магистратского суда в ходе разбирательства по делу об экстрадиции рассмотреть данных о его психическом состоянии (см. п. 21 выше) нарушает статьи 6 п. 1 и 3 (d), которой предусматривают соответственно:

“1. Каждый человек имеет право... при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое... разбирательство...”

“3. Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, имеет как минимум следующие права:

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него...”

115. Как указал представитель Комиссии, такая жалоба в Комиссию не подавалась. Претензии заявителя относительно того, что не были должным образом приняты во внимание свидетельства психиатров, относились к статье 3 и ограничивались окончательным решением министра о выдаче его Соединенным Штатам. Он не подавал никаких жалоб в соответствии со статьей 6, статьей 3 или статьей 13 относительно пределов рассмотрения или проведения разбирательства в Магистратском суде как таковых. В силу этого, новая жалоба на предполагаемое нарушение статьи 6 представляет собой не просто развитие правовых доводов или аргументов, а отдельную новую жалобу, выходящую за рамки данного дела, которые определены решением Комиссии о приемлемости (см. *inter alia* решение по делу Шиссерот 4 декабря 1979 г. Серия А, т. 34, с. 17, п. 41, и решение по делу Джонстон и другие от 18 декабря 1986 г. Серия А, т. 112, с. 23, п. 48).

На основании вышеизложенного, Суд неправомочен рассматривать этот вопрос.

III. О предполагаемом нарушении статьи 13

116. Наконец, заявитель утверждал, что имеет место нарушение статьи 13, которая предусматривает:

“Каждый человек, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективные средства правовой защиты перед государственным органом, даже в том случае, если такое нарушение совершено лицами, действовавшими в официальном качестве”.

Как указал заявитель в своей жалобе, у него не было эффективных правовых средств в Соединенном Королевстве в отношении своей жалобы на нарушение статьи 3. Большинство членов Комиссии пришли к аналогич-

ному выводу. Однако Правительство Соединенного Королевства не согласилось с этим, утверждая, что статья 13 неприменима в обстоятельствах данного дела или, с другой стороны, что совокупность средств правовой защиты, предоставляемых внутренним законодательством, достаточна.

117. Учитывая выводы Суда относительно статьи 3 (см. п. 111 выше), жалоба заявителя на основании этой статьи не может рассматриваться ни как несовместимая с положениями Конвенции, ни как “незащитима” по существу (см. *inter alia* решение по делу Бойла и Райса от 27 апреля 1988 г. Серия А, т. 131, с. 23, п. 52).

Однако Правительство Соединенного Королевства утверждало, что статья 13 не может быть применена в обстоятельствах данного дела, потому что оспаривается, по сути договор между Соединенным Королевством и Соединенными Штатами, а также потому, что предполагаемое нарушение нормы материального права носит гипотетический характер.

Суд не считает необходимым выносить решение конкретно по этим двум возражениям относительно применимости, поскольку он пришел к выводу, что, в любом случае, требования, содержащиеся в статье 13, не были нарушены.

118. Правительство Соединенного Королевства ссылалось на совокупность средств правовой защиты, в число которых входят разбирательство дела в Магистратском суде, прошение о применении *habeas corpus* и ходатайство о судебном контроле (см. п. 21—23, 32—33 и 35 выше).

119. Суд обратится прежде всего к вопросу о судебном контроле, поскольку это главное средство обжалования решения об экстрадиции, если оно уже принято.

И заявитель, и Комиссия придерживались мнения, что пределы судебного контроля были слишком узки, чтобы позволить судам рассмотреть вопрос по существу жалобы, которую заявитель подал в контексте статьи 3. Заявитель далее утверждал, что отсутствие у судов полномочий предписывать приостанавливающие меры в отношении актов Короны, способствует не эффективности судебного контроля.

120. Статья 13 гарантирует право на получение правовой защиты на национальном уровне для реального обеспечения прав и свобод, предусматриваемых Конвенцией, независимо от того, в какой правовой форме они обеспечиваются в национальной правовой системе (см. упоминавшееся выше решение по делу Бойла и Райса. Серия А, т. 131, с. 23, п. 52). Таким образом, статья 13 требует наличия таких внутренних средств, которые позволяют компетентному “государственному органу” и рассматривать по существу жалобу на соответствующее нарушение Конвенции, и предоставлять соответствующую защиту (см., *inter alia*, решение по делу Силвера и другие от 25 марта 1983 г. Серия А, т. 61, с. 42, п. 113 (а)).

121. Осуществляя судебный контроль Суд может принять решение о том, что действия исполнительной власти в пределах их усмотрения и в соответствии с компетенцией, могут тем не менее быть небезупречны с точки зрения правомерности, разумности или соблюдения процессуальных норм (см. п. 35 выше). В делах об экстрадиции вывод о “неразумности” действий согласно “принципам Уэднсбери” состоял бы в том, что любой разумный министр, в подобных обстоятельствах не издал бы такой приказ об экстрадиции (там же). По мнению Правительства Соединенного Королевства, суд на основании этого принципа правомочен отменить оспариваемое решение о передаче скрывающегося от правосудия преступника стране,

где, как было установлено, существует серьезный риск бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Хотя Конвенция не считается частью правовой системы Соединенного Королевства (ibid.), Суд пришел к убеждению, что английские суды могут осуществлять контроль за решением об экстрадиции с точки зрения его “разумности” в свете таких факторов, на которые ссылается господин Сёринг в своей жалобе в органы Конвенции на основании статьи 3.

122. Следует признать, что господин Сёринг обращался с просьбой о судебном контроле одновременно с ходатайством о применении habeas corpus и получил отказ от судьи Ллойда по вопросу о “неразумности” (см. п. 22 выше). Однако, как разъяснил судья Ллойд, жалоба была отклонена, поскольку она была преждевременной, т. к. суды правомочны рассматривать дело только после того, как министр примет решение (там же). Более того, аргументы, которые приводил господин Сёринг, сильно отличались от тех, на которые он ссылался, обосновывая свою жалобу на нарушение статьи 3 в органы Конвенции. Его адвокат, выступая в Отделении Высокого Суда, ограничился заявлением, что гарантии, полученные от властей Соединенных Штатов, настолько лишены реального веса, что ни один министр, действуя разумно, не мог бы счесть их удовлетворительными в соответствии с Договором. Это аргумент относится к вероятности вынесения смертного приговора, но в нем ничего не говорится об обращении, ожидающем господина Сёринга после вынесения приговора о смертной казни, а именно на это он ссылается, говоря о бесчеловечном и унижающем достоинство обращении.

Не было ничего, что могло бы помешать господину Сёрингу подать жалобу о судебном контроле в установленный срок и сослаться на “неразумность с точки зрения принципов Уэднсбери”, в значительной степени на основании тех же материалов, которые он приводил, обращаясь в органы Конвенции относительно “синдрома камеры смертников”. Такая жалоба была бы рассмотрена “самым внимательнейшим образом” в силу основополагающей природы того права человека, которое находится под угрозой (см. п. 35 выше). Эффективность данного средства правовой защиты, с точки зрения целей статьи 13, не зависит от однозначной предопределенности благоприятного исхода для господина Сёринга (см. решение по делу Шведского профсоюза машинистов от 6 февраля 1976 г. Серия А, т. 20, с. 18, п. 50), и, как бы то ни было, в функции данного Суда не входит строить предположения относительно того, какое решение приняли бы английские суды.

123. По мнению Суда, отсутствие у английских судов полномочий по вынесению решений, приостанавливающих исполнение постановлений представителей Короны (см. п. 35 *in fine* выше), не умаляет эффективности судебного контроля в связи с данной ситуацией, поскольку нет оснований предполагать, что на практике скрывающийся от правосудия преступник может быть выдан прежде, чем будут приняты решения по его обращению в Отделение Высокого Суда и по дальнейшим жалобам.

124. Суд пришел к выводу, что господин Сёринг располагал в соответствии с английскими законами эффективным средством правовой защиты по его жалобе, основанной на статье 3. По этой причине нет необходимости рассматривать два других правовых средства, на которые ссылается Правительство Соединенного Королевства.

Таким образом, нарушение статьи 13 места не имело.

IV. Применение статьи 50

125. Согласно статье 50,

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

Господин Сёринг утверждал, что, поскольку целью его жалобы являлось обеспечить ему возможность осуществления прав, гарантированных Конвенцией, справедливое удовлетворение его претензий могло бы быть обеспечено путем эффективного выполнения решения Суда. Он просил Суд оказать помощь государствам, выступающим сторонами по этому делу, и ему самому указаниями на то, какие последствия влечет решение Суда.

Помимо этого, он требует возмещения издержек и расходов по представлению его интересов при рассмотрении дела о его экстрадиции. Он оценил эти издержки и расходы в 1 500 фунтов стерлингов и 21 000 фунтов стерлингов в качестве гонорара адвокатам за представление его интересов в национальных судах и в Страсбурге соответственно, 2 067 фунтов стерлингов и 4 885,60 французского франка в качестве оплаты дорожных расходов и гостиниц для его адвокатов, когда они выступали перед органами Конвенции, и 2 185,80 фунта стерлингов и 145 французского франка на прочие непредвиденные расходы, что в сумме составляет 26 752,80 фунта стерлингов и 5 030,60 французского франка.

126. На настоящий момент нарушения статьи 3 нет. Тем не менее, поскольку Суд пришел к выводу, что постановление министра о выдаче в случае его выполнения привело бы к нарушению статьи 3, необходимо рассматривать статью 50 как применимую к данному делу.

127. Суд полагает, что его вывод относительно статьи 3 сам по себе представляет собой надлежащее справедливое возмещение в целях статьи 50. Конвенция не управомачивает Суд давать дополнительные указания такого рода, о которых просит заявитель (см. *mutatis mutandis* решение по делу Даджена от 24 февраля 1983 г. Серия А, т. 59, с. 8, п. 15). На основании статьи 54 контроль за выполнением решения Суда возлагается на Комитет министров Совета Европы.

128. Правительство Соединенного Королевства в принципе не оспаривало требования о возмещении издержек и расходов, но высказало мнение, что, если Суд сочтет одну (или более) из жалоб заявителя о нарушении Конвенции необоснованной, было бы правильно, принимая решение на справедливой основе, как того требует статья 50, соответствующим образом снизить сумму возмещения (см. решение по делу Ле Конта, Ван Лёвена и Де Мейера от 18 октября 1982 г. Серия А, т. 54, с. 10, п. 21).

Основная жалоба заявителя и большая часть аргументации были связаны с предполагаемым нарушением статьи 3, и по этому пункту жалоба заявителя удовлетворена. Исходя из этого, Суд считает, что по справедливости заявителю должны быть возмещены полностью все понесенные им издержки и расходы.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

Постановил, что в случае, если решение министра о выдаче заявителя Соединенным Штатам Америки будет выполнено, будет иметь место нарушение статьи 3;

Постановил, что в том же самом случае не будет иметь места нарушение статьи 6 п. 3 (с);

Постановил, что он не компетентен рассматривать жалобу на нарушение статьи 6 п. 1 и 3 (d);

Постановил, что нет нарушения статьи 13;

Постановил, что Соединенное Королевство должно выплатить заявителю в возмещение судебных издержек и расходов сумму в 26 752,80 фунта стерлингов (двадцать шесть тысяч семьсот пятьдесят два фунта стерлингов и восемьдесят пенсов) и 5 030,60 французского франка (пять тысяч тридцать французских франков и семьдесят сантимов) — сумму налога на добавленную стоимость;

Отклонил остальные претензии о справедливом возмещении.

Совершено на английском и французском языках и оглашено на публичном заседании во Дворце прав человека, Страсбург, 7 июля 1989 г.

Герберт Петцольд
Заместитель Секретаря Суда

Рольф Риссдал
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 52 п. 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагается отдельное мнение судьи Де Мейера.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДИ МЕЕРА

Выдача заявителя Соединенным Штатам Америки означала бы, что он не только подвергнется бесчеловечным или унижающим достоинство обращению или наказанию. Что важнее всего, она означала бы также, нарушение его права на жизнь.

Действительно, наиболее важным вопросом этого дела являются не “опасения, связанные с вероятностью того, что заявитель подпадет под действие “синдром камеры смертников”, а тот простой факт, что его жизнь окажется в опасности в результате упомянутой экстрадиции.

Во втором предложении п. 1 статьи 2 Конвенции в редакции 1950 г. говорится, что “никто не может быть намеренно лишен жизни иначе, как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание”.

В условиях данного дела, выдача заявителя Соединенным Штатам подвергла бы его риску быть приговоренным к смертной казни и казненным в Вирджинии (см. п. 40 выше) за преступление, в отношении которого законом Соединенного Королевства такое наказание не предусматривается.

Когда речь идет о праве человека на жизнь, ни одно государство, к которому обратились с запросом о выдаче, не имеет права допустить, чтобы запрашивающее государство предприняло такие действия, которые само запрашиваемое государство не имеет права совершить.

Если, как в данном случае, внутреннее право государства не предусматривает смертной казни за преступление, о котором идет речь, это государство не имеет права поставить данное лицо в такое положение, когда за это преступление оно может быть лишено жизни по решению другого государства.

Одно это соображение может служить достаточным основанием, чтобы не допустить выдачи заявителя Соединенным Королевством Соединенным Штатам.

Помимо этого имеется нечто еще более фундаментальное.

Формулировка, содержащаяся во втором предложении п. 1 статьи 2 Конвенции, была принята почти сорок лет назад, в конкретных исторических обстоятельствах, вскоре после Второй мировой войны. В той степени, в которой эта формулировка по-прежнему разрешает, при определенных условиях, смертную казнь в мирное время, она не отражает современную ситуацию и отстает от развития правового сознания и правовой практики¹.

Такое наказание не соответствует современному уровню развития Европейской цивилизации.

De facto, такое наказание больше не существует ни в одном из государств-участников Конвенции.

Его противоправность была признана Комитетом министров Совета Европы, когда он принял в декабре 1982 г. и открыл для подписания в апреле 1983 г. Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, который к настоящему времени подписан шестнадцатью и ратифицирован тринадцатью государствами-участниками.

В силу этого ни одно государство-участник Конвенции, даже если оно еще не ратифицировало Протокол № 6, не имеет права выдать какое-либо лицо, если в результате этой экстрадиции данное лицо подвергнется риску быть казненным в государстве, запрашивающем его экстрадицию.

Экстрадиция любого лица при таких обстоятельствах была бы несовместима с Европейскими стандартами правосудия и противоречила бы публичному порядку в Европе².

Выдача заявителя Соединенным Королевством Соединенным Штатам могла бы быть правомерной только в том случае, если бы Соединенные Штаты дали бы абсолютные гарантии, что в случае, если он будет осужден за преступление, обвинение в котором ему предъявлено, заявитель не будет казнен³.

Таких гарантий не было и они не могут быть получены.

Федеральное Правительство Соединенных Штатов не может взять на себя обязательство относительно того, какое решение может или не может

¹ См. также статью 6 п. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах и статью 4 п. 2 и 3 Американской Конвенции о правах человека. Текст этих статей, принятых соответственно в 1966 г. и в 1960 г., отчетливо показывает эволюцию правосознания и юридической практики к всеобщей отмене смертной казни.

² См. *mutatis mutandis* решение Государственного Совета Франции по делу Фидана. *Recueil Dalloz Sirey*, 1987, p. 305—310.

³ Там же.

быть принято или какие шаги могут или не могут быть предприняты судебными и другими органами штата Вирджиния.

На деле атторней штата, ведущий дело, намерен добиваться смертного приговора, а Губернатор штата ни разу не отменял смертный приговор с тех пор, как в 1977 г. была снова введена смертная казнь.

В данных обстоятельствах не может быть никаких сомнений относительно того, что выдача заявителя Соединенным Штатам привела бы к нарушению его права на жизнь⁴.

⁴ В этом мнении рассматриваются только наиболее существенные вопросы. Я хотел бы добавить вкратце еще лишь то, что (а) я не могу согласиться с п. 86 (1) или с п. 89, поскольку эти части мотивировки решения Суда оставляют слишком большое поле для неприемлемых нарушений основных прав лиц, чья экстрадиция запрашивается, и (b) с уважением относясь к судебной практике Суда, я хотел бы повторить, что я по-прежнему сохраняю оговорки, которое высказывал ранее, относительно вопросов, рассматриваемых в п. 115, 117 (1) и 127 (см. решение по делу *W против Соединенного Королевства* от 8 июля 1987 г. Серия А, т. 121-А, с. 42; решение по делу *Бойла и Райса* от 27 апреля 1988 г. Серия А, т. 131, с. 35; и решение по делу *W против Соединенного Королевства* от 9 июня 1988 (статья 50), Серия А, т. 136-С, с. 26).